

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО ХАЙДАРОВА против РОССИИ

(Жалоба № 21055/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

20 мая 2010 года

Настоящее постановление суда является окончательным при условии действия обстоятельств, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Постановление может подвергаться редакционному пересмотру.

В деле Хайдарова против России,

Европейский Суд по Правам Человека (Первая секция), заседающий Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Суда*,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Дина Шпильманна
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Георге Николау, *судей*
а также при участии Серена Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 29 апреля 2010 года,

вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№21055/09), поданной против Российской Федерации в Суд 22 апреля 2009 года в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») гражданином Таджикистана – г-ном Мамурджоном Рахимджоновичем Хайдаровым (далее «заявитель»).

2. Интересы заявителя представляли г-жа Р. Магомедова и г-жа Е. Рябинина, адвокаты, практикующие в г. Москве. Власти Российской Федерации (далее «Власти») были представлены уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном Г. Матюшкиным.

3. 23 апреля 2009 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правил 39 и 41 Судебного регламента, тем самым обязав Власти не выдавать заявителя Таджикистану без получения дополнительного уведомления и установив первоочередность рассмотрения жалобы.

4. 3 июля 2009 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить о жалобе Власти. Он также принял решение одновременно рассмотреть жалобу по существу и по вопросу приемлемости (Статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1958 году и проживает в городе Душанбе, Таджикистан. В настоящее время он содержится под стражей в СИЗО города Москвы.

A. Предыстория судебного дела

1. Гражданская война в Таджикистане

6. В мае 1992 года в Таджикистане началась гражданская война. Национальные меньшинства, представленные в меньшем количестве в правящей элите, восстали против национального правительства Президента Набиева. С политической точки зрения, меньшинства, высказывающие свое недовольство, были представлены либеральными демократическими реформистами и исламистами, которые сражались вместе, а позднее объединились под знаменем Объединенной таджикской оппозиции (далее «ОТО»). К июню 1997 года пятьдесят из сотни тысяч людей были убиты. 27 июня 1997 года Президент Рахмонов и лидер ОТО подписали мирное соглашение. Однако в августе 1997 года в нескольких регионах Таджикистана снова были развернуты военные действия, спровоцированные оппозиционной группой. Вооруженные силы правительства ответили такими же действиями и заставили вооруженную фракцию оппозиционной группы искать убежище в Узбекистане.

2. Сообщение заявителя о событиях августа 1997 года

7. Заявитель, являющийся узбеком по национальности, проживал в деревне в Таджикистане, в Шахринавском районе. Население деревни, главным образом, составляли граждане узбекской национальности. В конце 1990-х годов в Таджикистане начались крупномасштабные гонения граждан узбекской национальности. На деревню заявителя было совершено несколько вооруженных нападений, некоторые из его знакомых были убиты.

8. Местная администрация деревни, в которой проживал заявитель, приняла решение о создании ряда контрольно-пропускных пунктов на въезде в деревню, чтобы защитить жителей, и обеспечили работников контрольно-пропускных пунктов огнестрельным оружием. Заявителю огнестрельного оружия не выдавали.

9. В августе 1997 года на деревню снова было совершено нападение, после чего несколько членов местного ополчения и заявитель бежали в Узбекистан.

3. Последующие события

10. В феврале 1998 года заявитель приехал в Россию.

11. Несколько раз заявитель ездил из России в Таджикистан. Он получил внутренние таджикские документы, удостоверяющие личность, и заграничный паспорт в 2002 и 2004 году, соответственно. Последний раз он ездил в Таджикистан в 2005 году.

12. 6 февраля 2001 года Генеральная прокуратура Таджикистана возбудила уголовное дело против г-на М., деревенского жителя и товарища заявителя, который участвовал в ополчении и бежал в Узбекистан в августе 1997 года, обвиняя его в бандитизме и организации незаконной вооруженной группировки. Заявитель числился в списке членов этой группировки.

В. Уголовное судопроизводство против заявителя

13. 16 января 2006 года Генеральная прокуратура Таджикистана вынесла решение о предъявлении обвинения заявителю, утверждая, что в августе 1997 года он являлся членом незаконной вооруженной группировки, организованной г-ном М., и что такие действия являли собой акт бандитизма, за который предусмотрено наказание по Статье 74 Уголовного кодекса Таджикистана. Также было принято решение о внесении заявителя в список лиц, находящихся в розыске.

14. 17 февраля 2006 года Генеральная прокуратура Таджикистана при отсутствии заявителя приняла решение о его заключении под стражу.

15. 15 апреля 2006 года заявитель был внесен в список лиц, находящихся в международном розыске.

16. 19 июля 2006 года расследование по делу заявителя было приостановлено, так как заявитель находился на свободе.

17. 13 марта 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана отделила дело заявителя от уголовного дела г-на М. Насколько это уместно, в решении было заявлено следующее:

«В начале августа 1997 года [г-н М.], пользуясь нестабильной ситуацией в Таджикистане, создал незаконную вооруженную группировку для совершения нападений на юридических и физических лиц. Группа вела активную деятельность до конца августа 1997 года.

...

В начале августа 1997 года г-н Хайдаров добровольно вступил в незаконную вооруженную группировку и участвовал в вооруженных боевых действиях.

9 и 10 августа 1997 года, после того как на территорию Шахринавского района прибыли сотрудники правоохранительных органов, вооруженная группировка г-на М. бежала с территории района и покинула Таджикистан».

С. Судебное разбирательство по вопросу экстрадиции

18. 18 апреля 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила требование о выдаче заявителя в Генеральную прокуратуру России, утверждая, что в августе 1997 года заявитель являлся членом незаконной вооруженной группировки г-на М.

19. 24 апреля 2008 года Генеральная прокуратура России получила требование Генеральной прокуратуры Таджикистана о выдаче заявителя.

20. 13 июня 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила в Генеральную прокуратуру России дополнительные документы, в которых утверждалось, что заявитель участвовал в группировке г-на М., которая воевала с правительственными войсками, что он носил оружие и руководил контрольно-пропускным пунктом в деревне в Таджикистане.

21. 20 ноября 2008 года Генеральная прокуратура России издала приказ о выдаче заявителя Таджикистану. *Кроме прочего*, в решение указывалось следующее:

«Действия [г-на] М. Хайдарова заслуживают наказания согласно уголовному законодательству России и соответствуют Статье 209 § 2 Уголовного кодекса России (участие в преступной группировке), которая предусматривает наказание в форме тюремного заключения сроком более, чем на один год.

... Никаких [правовых] препятствий для выдачи [г-на] М. Хайдарова в соответствии с договорами и законодательством России не установлено».

22. 3 декабря 2008 года заявитель получил уведомление о приказе о его выдаче от 20 ноября 2008 года.

23. Заявитель и его адвокат подали апелляционную жалобу по решению от 20 ноября 2008 года 4 и 5 декабря 2008 года, соответственно. В своей апелляционной жалобе заявитель утверждал, что он подвергался преследованию в Таджикистане по политическим основаниям, связанным с гражданской войной.

24. 23 декабря 2008 года Московский городской суд по требованию адвоката заявителя включил в досье по делу доклады международных НПО о политической обстановке в Таджикистане и отложил рассмотрение апелляционных жалоб, так как жалоба заявителя по отказу в предоставлении ему убежища еще не была рассмотрена.

25. 21 января 2009 года Московский городской суд снова отложил слушание до завершения рассмотрения апелляционной жалобы по отказу в предоставлении убежища и запросил дополнительные документы из Генеральной прокуратуры России по обвинениям, предъявляемым заявителю в Таджикистане.

26. 4 февраля 2009 года Московский городской суд направил в российское и таджикское Министерство иностранных дел запросы о получении информации, касающейся утверждений заявителя о риске жестокого обращения, а также в Генеральную прокуратуру России, касательно возможности предоставления заявителю амнистии в Таджикистане, и отложил рассмотрение апелляционной жалобы по приказу о выдаче до завершения судебного разбирательства по вопросу предоставления убежища.

27. 17 февраля 2009 года Генеральная прокуратура России сообщила Городскому суду, что заявитель не мог воспользоваться законами об амнистии в Таджикистане.

28. 26 февраля и 12 марта 2009 года Московский городской суд снова отправил запрос о получении информации, касательно утверждений заявителя о риске жестокого обращения в российское и таджикское министерство иностранных дел.

29. 27 февраля 2009 года Московский городской суд снова отложил слушание дела.

30. 24 марта 2009 года российское Министерство иностранных дел сообщило Московскому городскому суду, что оно не располагало информацией о каких-либо политических мотивах преследования заявителя, и отметило, что Таджикистан ратифицировал почти все инструменты по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах и Конвенцию ООН против пыток.

31. 1 апреля 2009 года Московский городской суд опросил г-жу Рябинину, члена Экспертного совета российского посредника по рассмотрению жалоб, которая утверждала, что пытки и жестокое обращение были широко распространены в Таджикистане.

32. В тот же день Московский городской суд отклонил в первой инстанции апелляционные жалобы, поданные заявителем и его адвокатом по приказу о его выдаче от 20 ноября 2008 года. В частности, суд обосновал свое решение тем, что заявитель добровольно покинул Таджикистан в 1997 года и после этого мог свободно въезжать в страну, что Генеральная прокуратура Таджикистана гарантировала, что заявитель не подвергался преследованию по политическим или религиозным основаниям, и что Таджикистан ратифицировал почти все основные международные инструменты по правам человека. Утверждение заявителя о том, что он подвергался преследованию в связи с гражданской войной, осталось без ответа.

33. 6 апреля 2009 года адвокат заявителя подала апелляционную жалобу по решению Московского городского суда.

34. 10 апреля 2009 года Генеральная прокуратура Таджикистана сообщила в Генеральную прокуратуру России следующее:

«Уголовное судопроизводство против [г-на] Хайдарова не было инициировано какими-либо политическими мотивами, и Генеральная прокуратура Таджикистана гарантирует,

что [г-н] Хайдаров будет преследоваться в судебном порядке только в отношении действий, в совершении которых ему предъявлено обвинение. Он сможет свободно покинуть территорию Таджикистана после завершения судебного разбирательства и отбывания срока наказания. Заявитель не будет выдан третьему Государству без согласия органов власти России, и не будет подвергаться преследованию по политическим и религиозным основаниям».

35. 14 мая 2009 года Верховный суд России (далее «Верховный суд») отменил постановление суда от 1 апреля 2009 года, так как Московский городской суд не рассмотрел тщательно жалобу адвоката заявителя о том, что преступление, в котором обвинялся заявитель, носило политический характер. Более того, Верховный суд постановил, что российское Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее «УВКБ ООН») подтвердило, что опасения заявителя относительно политического преследования были достаточно обоснованными. Досье по делу было возвращено в Московский городской суд для дополнительного рассмотрения.

36. 26 мая 2009 года Генеральная прокуратура Таджикистана сообщила в Генеральную прокуратуру России, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию ООН против пыток.

37. 3 июня 2009 года Московский городской суд повторно рассмотрел апелляционные жалобы по приказу о выдаче и утвердил его. Суд пояснил, что заявитель являлся гражданином Таджикистана, не имел статуса беженца и, по данным Генеральной прокуратуры Таджикистана, не преследовался по политическим или религиозным основаниям. Суд также указал на то, что заявитель подал ходатайство о предоставлении временного убежища только 6 апреля 2009 года и пришел к заключению, что его ходатайство не должно препятствовать рассмотрению апелляционных жалоб по решению о выдаче. Суд также сослался на гарантии от 10 апреля и 26 мая 2009 года, предоставленные Генеральной прокуратурой Таджикистана, что заявитель не будет подвергаться преследованию по политическим и религиозным основаниям, и отказал в рассмотрении доклада г-жи Рябининой по причине его необоснованности, утверждая, что рассматриваемых гарантий было достаточно, чтобы исключить риск жестокого обращения в деле заявителя. Утверждения заявителя о том, что уголовное судопроизводство, возбужденное против него, было связано с событиями гражданской войны, остались без ответа.

38. 30 июля 2009 года Верховный суд подтвердил решение Московского городского суда от 3 июня 2009 года. Суд пояснил, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию ООН против пыток и сослался на гарантии, предоставленные Генеральной прокуратурой Таджикистана. В тот же день решение о выдаче стало окончательным.

D. Судебное разбирательство по вопросу предоставления убежища

39. 17 июня 2008 года заявитель подал ходатайство в Московское отделение Федеральной миграционной службы (далее «ФМС города Москвы») о предоставлении убежища,

утверждая, что органы власти Таджикистана преследовали его на основании его этнического происхождения.

40. 6 октября 2008 года ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, о чем заявитель получил уведомление 1 ноября 2008 года.

41. 28 января 2009 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отклонил жалобу заявителя по решению ФМС города Москвы.

42. 26 марта 2009 года Московский городской суд утвердил постановление суда от 28 января 2009 года по жалобе.

43. 6 мая 2009 года Верховный комиссар ООН по делам беженцев заявил, что заявитель является лицом, которому необходима международная защита.

44. 22 сентября 2009 года ФМС города Москвы отклонила ходатайство заявителя о предоставлении временного убежища и уведомила его об этом 4 октября 2009 года.

45. Заявитель снова подал апелляционную жалобу по отказу от 22 сентября 2009 года в Федеральную миграционную службу России (далее «ФМС России»).

46. 13 ноября 2009 года УВКБ ООН в России направило в ФМС России доклад в поддержку ходатайства заявителя о предоставлении временного убежища, утверждая, что он несет фактический риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане. В частности, в докладе указывалось следующее:

«Утверждения г-на Хайдарова [о риске жестокого обращения] подтверждены многочисленными документами, касающимися событий 1997-98 годов в Таджикистане. ... Граждане узбекской национальности подвергались притеснениям и преследованию. Поступали доклады о многочисленных убийствах граждан до и в течение вооруженного конфликта в августе 1997 года, который привел к массовому бегству граждан узбекской национальности из северных районов Таджикистана, в частности, в Узбекистан.

Рассмотрев ходатайство г-на Хайдарова и оценив его опасения относительно возвращения в [Таджикистан], УВКБ ООН установило, что ходатайство г-на Хайдарова и его опасения подвергнуться преследованию, на основании политических обвинений, предъявляемых ему, в форме задержания, пыток с целью получения уличающих его показаний, незаконного и несправедливого суда и продолжительного тюремного заключения за действия, которых он не совершал, являются достаточно обоснованными.

... Имеются серьезные основания полагать, что уголовное судопроизводство, возбужденное против заявителя таджикскими органами власти, доходит до степени преследования за политические убеждения, приписываемые заявителю, так как [таджикские органы власти] связывают заявителя с антигосударственной деятельностью,

по причине того, что он являлся членом групп ополченцев, подозреваемых в причастности к вооруженному конфликту в августе 1997 года.

...

УВКБ ООН высказывает серьезную озабоченность тем, что г-н Хайдаров будет подвергнут пыткам и прочим нарушениям основных прав человека. Это значит, что он несет еще больший риск подвергнуться преследованию по причине приписываемых ему политических убеждений. ... Дело [г-на Хайдарова] соответствует определению «беженца» в смысле Конвенции ООН о статусе беженца 1951 года и российского закона о беженцах.

... Г-н Хайдаров обвиняется в ... бандитизме. Однако следует обратить внимание на то, что уголовное дело по обвинению г-на Хайдарова было возбуждено в 2001 году, а предварительное расследование касательно г-на Хайдарова было приостановлено в 2006 году. Это значит, что в течение такого длительного периода расследования не было найдено никаких доказательств его виновности и что запрашивающее Государство не имеет таких доказательств.

Таджикские органы власти не предоставили ни одного фактического доказательства преступной деятельности г-на Хайдарова в стране его происхождения, а документы, предоставленные противной стороной Таджикистана в качестве основания для выдачи, являются противоречивыми. ... УВКБ ООН приходит к заключению, что достоверные доказательства того, что г-н Хайдаров занимался преступной деятельностью, такой как бандитизм, находясь на территории Таджикистана, отсутствуют».

Е. Заключение заявителя под стражу

47. 17 апреля 2008 года заявитель был задержан в Москве как лицо, разыскиваемое таджикскими органами власти. После задержания заявитель впервые узнал, что против него было возбуждено уголовное судопроизводство. В тот же день Министерство внутренних дел Таджикистана направило в органы милиции России требование о заключении заявителя под стражу согласно Минской конвенции.

48. Заявитель был помещен в СИЗО ИЗ-77/4 города Москвы.

49. 19 апреля 2008 года Таганский районный суд города Москвы вынес решение о заключении заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции согласно Статьям 97, 99 и 108 и Статье 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса России (УПК). Суд заявил, что 19 июля 2006 года заявитель был внесен в список лиц, находящихся в розыске, и не имел постоянного места жительства в России, и пришел к заключению, что, если его не заключить под стражу, он мог сбежать и затруднить его выдачу Таджикистану. Срок заключения под стражу установлен не был.

50. 18 июня 2008 года Таганский районный суд снова вынес решение о заключении заявителя под стражу согласно Статьям 108 и 466 УПК на неопределенный срок. Суд пояснил, что нельзя применить менее жесткие меры пресечения, так как заявитель находился на свободе с 1996 года, являлся гражданином Таджикистана, не был зарегистрирован по месту жительства в России и обвинялся в преступлении, заслуживающем наказания в виде тюремного заключения сроком более двух лет.

51. 6 октября 2008 года адвокат заявителя обратилась к начальнику СИЗО ИЗ-77/4 с ходатайством освободить заявителя из-под стражи, утверждая, что максимальный срок заключения под стражу, предусмотренный внутривнутригосударственным законодательством, истек. 16 октября 2008 года начальник СИЗО ответил, что заявитель не подавал апелляционной жалобы по решению от 18 июня 2008 года о его заключении под стражу и что вопрос о его освобождении из-под стражи должен быть решен Генеральной прокуратурой России.

52. 1 декабря 2008 года адвокат заявителя подала жалобу в Бабушкинский районный суд города Москвы о том, что заключение заявителя под стражу было неправомерным.

53. 10 декабря 2008 года Бабушкинский районный суд сообщил адвокату заявителя, что он не имел юрисдикции рассматривать такие жалобы.

54. 23 января 2009 года адвокат заявителя подала жалобу в Тверской районный суд города Москвы, согласно Статье 125 УПК, о том, что генеральная прокуратура России не обращалась с просьбой о продлении срока заключения заявителя под стражу, как того требует Статья 109 УПК. 27 января 2009 года Председатель Тверского районного суда вернул жалобу для устранения неточностей.

55. 4 мая 2009 года адвокат заявителя подала еще одну жалобу согласно Статье 125 УПК в Замоскворецкий районный суд города Москвы, заявив о бездействии Генеральной прокуратуры России.

56. 7 мая 2009 года Замоскворецкий районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя от 4 мая 2009 года по той причине, что ее существо не попадало под действие Статьи 125 УПК.

57. 14 мая 2009 года Верховный суд постановил оставить неизменной меру пресечения в отношении заявителя до 4 июня 2009 года.

58. 3 июня 2009 года Московский городской суд принял решение не менять меру пресечения в отношении заявителя.

59. 27 июля 2009 года Московский городской суд отменил решение Замоскворецкого районного суда от 7 мая 2009 года и отправил дело в суд первой инстанции на дополнительное рассмотрение.

60. 4 сентября 2009 года Замоскворецкий районный суд снова отклонил жалобу заявителя, заявив, что Статья 125 УПК не могла применяться, та как в России против заявителя не возбуждалось никакого уголовного судопроизводства. Суд пояснил следующее:

«Требование [заявителя] объявить бездействие московской прокуратуры неправомерным из-за неисполнения ее функции по надзору за соблюдением закона в учреждениях закрытого типа нельзя рассматривать в соответствии со Статьей 125 УПК, потому что надзор, осуществляемый прокурорами за типом режима содержания под стражей, не связан с уголовным судопроизводством, возбужденным против [г-на] Хайдарова.

Действия и бездействие сотрудников прокуратуры могут быть оспорены посредством другой процедуры, не предусмотренной Статьей 125 УПК.

Требование о продлении срока заключения под стражу является исключительным правом компетентных органов, а суд не имеет полномочий принуждать [такие органы] к предъявлению таких требований».

61. 11 сентября 2009 года адвокат заявителя подал апелляционную жалобу по решению от 4 сентября 2009 года.

62. 14 сентября 2009 года адвокат заявителя подала жалобу в Таганский районный суд о неправомерности заключения заявителя под стражу. Ссылаясь на Статью 5 § 4 Конвенции, она заявила, что в деле заявителя была нарушена Статья 109 УПК, так как срок его заключения под стражу не был продлен, и не производился судебный пересмотр правомерности заключения его под стражу.

63. 16 сентября 2009 года судья Таганского районного суда направил адвокату заявителя письмо, что он был готов рассмотреть апелляционную жалобу по решению об избрании меры пресечения, и что больше не было никаких средств обжалования заявленной неправомерности заключения под стражу.

64. 5 октября 2009 года адвокат заявителя подала апелляционную жалобу по отказу в рассмотрении жалобы. 13 октября 2009 года судья Таганского районного суда направил письмо, что предыдущее письмо обжалованию не подлежит.

65. 26 октября 2009 года Московский городской суд отклонил апелляционную жалобу по решению от 4 сентября 2009 года.

66. 8 декабря 2009 года адвокат заявителя направила требование в Генеральную прокуратуру России об освобождении заявителя из-под стражи.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ

A. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)

67. Глава 13 УПК регулирует применение мер пресечения. Меры пресечения могут применяться к подозреваемому или лицу, обвиняемому в преступлении, если существует вероятность того, что рассматриваемое лицо может скрываться, в дальнейшем обвиняться в преступной деятельности, угрожать свидетелям или препятствовать расследованию (Статья 97). Принимая решение о необходимости применения мер пресечения, следует принимать во внимание степень тяжести обвинения и различные личные обстоятельства рассматриваемого лица (Статья 99). Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. (Статья 108 § 1). При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство (Статья 108 § 3). Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (Статья 108 § 4). Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в течение 3 суток со дня его вынесения (Статья 108 § 11). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (Статья 109 § 1), но может быть продлено на срок до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (или следователем или лицом, проводящим опрос, с предварительного согласия прокурора) (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, по ходатайству следователя, внесенному с согласия прокурора субъекта Российской Федерации, до 12 месяцев (Статья 109 § 3).

68. Глава 16 УПК устанавливает порядок обжалования действий и решений суда или должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде (Статья 125).

69. При получении от иностранного государства требования о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его заместитель в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном Кодексом (Статья 466 § 1).

В. Решения Конституционного суда России

1. Решение №101-О от 4 апреля 2006 года

70. Подтверждая возможность совместного применения Статьи 466 § 1 УПК и Конституции России, Конституционный суд снова использовал свое установившееся прецедентное право в том, что чрезмерное или произвольное заключение под стражу, неограниченное по времени, и без соответствующего пересмотра, не соответствовало требованиям Статьи 22 Конституции и Статьи 14 § 3 Международного пакта о гражданских и политических правах во всех делах, включая судебные разбирательства по вопросу экстрадиции.

71. С точки зрения Конституционного суда, отсутствие особого положения по вопросам заключения под стражу в Статье 466 § 1 не создает правового пробела, несоответствующего Конституции. Статья 8 § 1 Минской конвенции предусматривает, что при исполнении требования о юридической поддержке запрашиваемая сторона обязана применять свое внутригосударственное право, то есть порядок, предусмотренный УПК. В частности, к такому порядку относится Статья 466 § 1 Кодекса и нормы, изложенные в Главе Кодекса 13 («Меры пресечения»), которые по своему общему характеру и положению в Части I Кодекса («Общие положения») применялись ко всем этапам и нормам уголовного судопроизводства, включая судопроизводства по рассмотрению требований об экстрадиции.

72. С точки зрения Конституционного суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренные Статьей 22 и Главой 2 Конституции, полностью применялись к заключению под стражу с целью выдачи. Соответственно, Статья 466 УПК не разрешала органам власти применение меры, связанной с заключением под стражу, не соблюдая порядок, установленный УПК или с превышением установленных предельных сроков.

2. Решение №333-О-Р от 1 марта 2007 года

73. В своем решении Конституционный суд снова сослался на то, что Статья 466 УПК не предусматривала, что заключение лица под стражу на основании требования о его выдаче не соответствовало условиям и предельным срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

3. Решение №158-О от 11 июля 2006 года по запросу Генерального прокурора о разъяснении

74. Генеральный прокурор направил в Конституционный суд запрос об официальном разъяснении решения № 101-О от 4 апреля 2006 года (смотри выше), в частности, с целью разъяснения порядка продления срока заключения лица под стражу с целью выдачи.

75. Конституционный суд отклонил запрос на том основании, что он не был компетентен в вопросе конкретных положений уголовного права, регулирующих порядок и предельные сроки заключения лица под стражу с целью экстрадиции. Этот вопрос относился к компетенции судов общей юрисдикции.

4. Решение №333-О от 1 марта 2007 года

76. Конституционный суд снова воспользовался своим установившимся прецедентным правом, поскольку объем конституционного права на свободу и личную неприкосновенность был одинаковым, как для иностранных граждан и лиц без гражданства, так и граждан России. Иностраный гражданин или лицо без гражданства не могут быть заключены под стражу в России более, чем на сорок восемь часов без судебного решения. Такое конституционное требование служило гарантией от чрезмерно длительного заключения под стражу более, чем на сорок восемь часов, а также произвольного заключения под стражу, как такового. В этом отношении оно требовало от суда рассмотреть, было ли заключение под стражу правомерным и оправданным.

77. Конституционный суд постановил, что Статья 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, в сочетании с Минской конвенцией, не должна истолковываться как статья, разрешающая заключение лица под стражу более, чем на сорок восемь часов, на основании требования о его или ее выдаче, без решения российского суда. Мера, связанная с лишением свободы, может применяться только в соответствии с порядком, установленным российским Уголовно-процессуальным кодексом, и в течение сроков, предусмотренных Кодексом.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

78. Рекомендация № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам относительно прав лиц, ищущих убежище, которые получили отказ, на эффективные средства правовой защиты в отношении решений о высылке в контексте Статьи 3 Европейской конвенции по правам человека, гласит следующее:

«...

Без ущерба осуществлению любого права лицом, ищущим убежище, которое получило отказ, на обжалование отрицательного решения по его заявлению о предоставлении убежища, в соответствии с рекомендациями, кроме прочих, изложенными в Рекомендации Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров...,

1. Каждому лицу, ищущему убежище, которое получило отказ в предоставлении статуса беженца и подлежит высылке в страну, в отношении которой такое лицо подает небезосновательную жалобу, что он или она может подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказаниям, должны быть предоставлены эффективные средства правовой защиты перед органами федеральной власти.

2. В случае применения параграфа 1 данной рекомендации, средство правовой защиты перед федеральным органом власти следует считать эффективным, если ...

2.2. такой орган власти компетентен как в принятии решения относительно наличия условий, предусмотренных Статьей 3 Конвенции, так и в предоставлении соответствующего средства судебной защиты;...

2.4. исполнение приказа о высылке приостановлено до принятия решения согласно пункту 2.2.»

79. Уполномоченный по правам человека Совета Европы опубликовал Рекомендацию (CommDH(2001)19) от 19 сентября 2001 года, касательно прав иностранцев, желающих въехать на территории Государства-члена Совета Европы, и приведения в исполнение приказов о высылке, часть которой гласит следующее:

«11. Важно, чтобы право на средство судебной защиты по определению Статьи 13 Европейской конвенции по правам человека, не только было гарантировано законом, но и предоставлялось на практике, когда лицо заявляет о нарушении или вероятности нарушения прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека, компетентными органами власти. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть предоставлено каждому лицу, которое намерено оспорить приказ о принудительном возвращении или высылке. Приведение в действие приказа о высылке должно быть приостановлено, если заявлено, как минимум, о нарушениях Статей 2 или 3 Европейской конвенции по правам человека».

80. Другие относящиеся к делу документы указаны в постановлении Суда по делу *Гебремедхин [Габерамадхин] против Франции*, № 25389/05, §§ 36-38, ECHR 2007-V

В. Конвенция СНГ 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция)

81. При исполнении действий, запрашиваемых согласно Минской конвенции, сторонами которой являются Россия и Таджикистан, официальный орган власти, получивший запрос, применяет внутригосударственное право своей страны (Статья 8 § 1).

82. По получении требования о выдаче запрашиваемая страна незамедлительно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (Статья 60).

83. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет направлено дополнительно (Статья 61 § 1). О взятии под стражу или задержании лица до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить запрашивающую страну (Статья 61 § 3).

84. Лицо, заключенное под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции согласно Статье 61 § 1 Минской конвенции, должно быть освобождено

из-под стражи, если запрашивающая страна не предоставит официальное требование о выдаче со всеми необходимыми сопутствующими документами в течение сорока дней после заключения лица под стражу (Статья 62 § 1).

С. Доклады по Таджикистану

85. Выводы и рекомендации: Таджикистан, опубликованные Комитетом ООН против пыток от 7 декабря 2006 года (CAT/C/TJK/CO/1), относятся к следующим представляющим интерес областям, имеющим отношение к положению в области прав человека в стране:

«Определение пытки, содержащееся в национальном законодательстве ... не в полной мере соответствует определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции, особенно в том, что касается целей применения пытки и ее распространения на всех государственных должностных лиц и других лиц, действующих в официальном качестве.

...

Существуют многочисленные утверждения о широком распространении практики пыток и жестокого обращения со стороны персонала правоприменительных и следственных органов, в частности для получения признаний для использования в ходе уголовного судопроизводства. Кроме того, не принимаются профилактические меры для обеспечения эффективной защиты всех членов общества от пыток и жестокого обращения.

...

Комитет также обеспокоен следующим:

a) отсутствием установленного в законе обязательства регистрировать задержанных сразу же после лишения их свободы, в том числе до официального ареста и предъявления обвинения, отсутствием надлежащих протоколов, касающихся ареста и задержания лиц, и непроведением регулярных и независимых медицинских осмотров;

b) многочисленными и постоянно поступающими сообщениями о создании препятствий в деле получения доступа к адвокату, проведения независимой медицинской экспертизы и установления контактов с родственниками сразу же после ареста, что обусловлено существованием законодательства и практики, которые допускают отсрочку вышеуказанных контактов до регистрации факта ареста, а сам доступ предоставляется только по разрешению/просьбе должностных лиц;

c) сообщениями о том, что незаконные ограничения возможности доступа к адвокатам, врачам и членам семьи, устанавливаемые агентами государства, не расследуются и не наказываются;

d) отсутствием основополагающих гарантий обеспечения судебного надзора над задержаниями, поскольку прокуратура также уполномочена осуществлять такой надзор;

e) широким применением практики досудебного содержания под стражей, продолжительность которого может достигать 15 месяцев; и

f) высоким количеством лиц, умерших в период содержания под стражей.

...

Постоянно поступают достоверные утверждения о нередком использовании сотрудниками правоприменительных и следственных органов методов допроса, запрещенных Конвенцией.

...

Имеются сообщения об отсутствии систематического обследования всех мест содержания под стражей национальными или международными надзорными органами и что регулярный и необъявленный доступ к таким местам запрещен».

86. Международная группа по правам меньшинств в своем документе «Таджикистан: Обзор», обновленном в январе 2008 года, описывает положение меньшинства узбекской национальности в Таджикистане следующим образом:

«Ситуация в Таджикистане во многих отношениях похожа на ситуацию соседних государств. ... После получения независимости таджики пытались утвердить свою доминирующую позицию за счет лингвистических и прочих предпочтений, направленных на дискриминацию и исключение меньшинств, часто ведущих к неприязни и даже массовому уходу. В то время как во время независимости узбеки составляли около четверти населения, многие из них бежали в период гражданской войны. Они продолжают составлять самое многочисленное меньшинство, а именно более 15 процентов населения, в соответствии с данными переписи населения в 2000 году и концентрируются обычно в районах, известных своим противостоянием правительству. Это привело к общему недоверию к узбекам и, в свою очередь, к дискриминирующему отношению к ним во многих учреждениях государства. И снова репрессивные меры были представлены как необходимые во имя борьбы с «терроризмом» и «сепаратизмом». Степень непредставленности меньшинств в общественной жизни пугает: только двое членов Парламента являются узбеками по национальности, несмотря на многочисленность этого меньшинства.

... Несмотря на конституционные положения, которые изначально гарантируют использование языков меньшинств, и, несмотря на большой процент меньшинств в стране, в частности, узбеков, меньшинства в значительной мере не допускаются до трудоустройства в государственных службах».

87. Всемирный доклад: Страж прав человека о Таджикистане, выпущенный в январе 2009 года, описывает положение в области прав человека в стране следующим образом:

Принятое в Таджикистане определение пыток не в полной мере соответствует рекомендациям Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г. Позитивным шагом стало изменение в марте 2008 г. Уголовно-процессуального кодекса с целью обеспечения недопустимости в суде полученных под пыткой доказательств.

Эксперты признают, что в большинстве случаев распространенная практика пыток остается безнаказанной. В одном из немногих дошедших до суда дел двое сотрудников милиции из Хатлонской области в августе 2008 г. были осуждены за незаконное обращение с несовершеннолетними: один получил четыре года, второй - условный срок.

НПО и местные СМИ сообщали, по меньшей мере, о трех случаях смерти в местах заключения в 2008 г., включая смерть от рака бывшего зампреда Партии исламского возрождения Таджикистана Шамсиддина Шамсиддинова. В партии утверждали, что его арест в 2003 г. был политически мотивированным и что своевременная операция могла бы его спасти.

В решении по жалобе *Рахматов и другие против Таджикистана* от 1 апреля 2008 г. Комитет ООН по правам человека признал правительство ответственным за нарушение прав, включая право не подвергаться пыткам, в отношении пяти заявителей, двое из которых на момент ареста были несовершеннолетними. При рассмотрении жалобы правительство с комитетом не сотрудничало. Аналогичные нарушения были признаны комитетом 30 октября 2008 г. в решении по жалобе *Хусейнов и Бутаев против Таджикистана*.

88. Страновой доклад Государственного департамента США о практике в области прав человека 2009 года, выпущенный 11 марта 2010 года, содержит следующую информацию относительно Таджикистана:

«Послужной список правительства в области прав человека оставался на низком уровне. Коррупция продолжала мешать демократическим и социальным реформам. Поступали сообщения о следующих проблемах в области прав человека: ... случаи пыток и жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, и прочими лицами со стороны сил безопасности; безнаказанность сил безопасности, лишение права на справедливое судебное разбирательство; жесткие и опасные для жизни условия тюремного заключения, не предоставление международным наблюдателям доступа к заключенным; ...

Закон запрещает ... [жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание], однако, сотрудники служб безопасности практикуют избиения и прочие формы насилия, чтобы получить признания во время допросов, хотя такая практика не была систематичной. Должностные лица не предоставляют надлежащего доступа к информации, чтобы организации по правам человека могли провести расследование по жалобам о применении пыток.

...

Министерство юстиции продолжало отказывать в доступе к тюрьмам или местам содержания под стражей для представителей международного сообщества и гражданского общества, пытающихся провести расследование по жалобам о жестоким обращении или условиях. Некоторым иностранным дипломатическим миссиям и неправительственным организациям был предоставлен доступ для реализации программ помощи или

выполнения консульских функций, но такой доступ для их представителей был ограничен административными или медицинскими участками при сопровождении персонала министерства юстиции. Правительство не подписало договор с Международным комитетом Красного креста (МККК), предусматривающий свободный и беспрепятственный доступ в тюрьмы и центры содержания под стражей, а персонал МККК по международному мониторингу не вернулся в страну после его отъезда в 2007 году.

Лица, содержащиеся под стражей, и заключенные подавали жалобы о жестоких и опасных для жизни условиях, включая переполненность и отсутствие санитарных условий. Заболевания и голод являлись серьезными проблемами, но внешние наблюдатели не имели возможности точно оценить степень серьезности проблем из-за отсутствия доступа. Организации, такие как Совет ООН по правам человека, сообщали о значительном уровне заболеваемости туберкулезом и ВИЧ и низком качестве медицинского обслуживания.

...

Жертвы насильственных действий со стороны полиции могут подать официальную жалобу в письменной форме руководителю должностного лица. Однако большинство жертв предпочитают молчать, чем страдать от мер возмездия со стороны органов власти.

...

Судебные разбирательства проводятся при открытых дверях, за исключением дел, касающихся национальной безопасности. Закон предусматривает презумпцию невиновности, но на практике ответчиков заранее считают виновными. ...В делах, касающихся национальной безопасности, список присяжных, состоящий из председателя суда и двух «народных заседателей» принимает решение о виновности или невиновности обвиняемого. Квалификации заседателей и то, как их выбирают, неизвестно, но они играют пассивную роль, а судебным процессом руководит председатель суда.

...

Органы власти утверждали, что тюрьмах не содержалось политических заключенных, и что они не совершали никаких задержаний по политическим основаниям. Стороны оппозиции и местные наблюдатели заявляли, что власти избирательно преследовало политических оппонентов. Достоверной оценки количества политических заключенных не проводилось, но бывшие лидеры оппозиции утверждали, что в стране содержались под стражей несколько сотен таких заключенных, включая бывших боевиков ОТО».

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

89. Заявитель утверждал, что в случае его выдачи Таджикистану он будет подвергаться жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Он также заявлял, что

российские органы власти не оценили риски жестокого обращения, которые он бы понес в запрашивающей стране. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Заявления сторон

90. Власти оспорили аргументы заявителя.

91. Генеральная прокуратура Таджикистана предоставила дипломатические гарантии того, что заявитель будет подвергаться преследованию только в отношении преступлений, указанных в требовании о выдаче, что он сможет беспрепятственно покинуть Таджикистан после ответа перед судом и отбывания срока наказания и что, он не будет выслан, передан или выдан третьему Государству без согласия российских органов власти. В соответствии с Уголовным кодексом Таджикистана его задачей является защищать права человека, а приговор, выносимый преступнику, не может преследовать цель причинить ему или ей физические страдания или унижить достоинство рассматриваемого лица.

92. Российское Министерство иностранных дел сообщило в Генеральную прокуратуру России, что основания для невыдачи заявителя отсутствовали, так как Таджикистан, член ООН, взял на себя обязательство соблюдать Всеобщую декларацию прав человека и основать таджикское управление по разбору жалоб населения на действия государственных учреждений. Таджикистан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенцию о беженцах 1989 года, Конвенцию против пыток 1984 года и прочие договора.

93. Утверждения заявителя о рисках жестокого обращения в Таджикистане являлись безосновательными. Соответственно, его выдача не приведет в результате к обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции.

94. Заявитель не отказался от своих жалоб.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

95. Суд отмечает, что исковое требование в соответствии со Статьей 3 Конвенции не является недостаточно обоснованным по определению Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что нет других оснований считать его неприемлемым. Таким образом, Суд объявил исковое требование приемлемым.

2. Существо

(а) Общие принципы

96. Суд изначально повторяет, что жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня тяжести, чтобы попасть под действие Статьи 3. Оценка такого минимума, в силу природы вещей, является относительной. Она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и содержание обращения или наказания; манера и метод его осуществления, его продолжительность, физическое или психологическое воздействие, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (смотри дело *T. против Великобритании* [GC], №24724/94, § 68, 16 декабря 1999 года). Заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. Для оценки Суд применяет критерий доказанности «при отсутствии разумных оснований для сомнения», но добавляет, что такая доказанность может последовать из сосуществования строгих, ясных и согласованных умозаключений или подобных неопровержимых презумпций факта (смотри *Йаллох против Германии* [GC], № 54810/00, § 67, ECHR 2006-IX).

97. Далее Суд напоминает, что выдача Договаривающимся государством может стать причиной судебного спора в силу Статьи 3 и, тем самым, привлечь такое государство к ответственности в соответствии с Конвенцией, если есть достаточные основания полагать, что рассматриваемое лицо в случае выдачи понесет фактический риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции в принимающей стране. Установление такой ответственности обязательно требует оценки условий в запрашивающей стране на соответствие стандартам Статьи 3 Конвенции. Тем не менее, вопроса о признании или установлении ответственности принимающей страны по общему международному праву или по Конвенции или иным образом не стоит (смотри *Соринг против Великобритании*, 7 июля 1989 года, § 91, Серия А №161).

98. При определении доказанности того, что в случае выдачи заявитель понесет фактический риск подвергнуться обращению, запрещенному Статьей 3, Суд обязан рассмотреть вопрос в свете всех представленных материалов или в случае необходимости материалов, полученных по собственной инициативе (смотри *H.L.R. против Франции*, 29 апреля 1997 года, § 37, Доклады о судебных постановлениях и решениях 1997-III). Так как характер ответственности Договаривающихся государств по Статье 3 в такого рода делах лежит в действиях, ставящих лицо в ситуацию риска жестокого обращения, наличие такого риска должно оцениваться, главным образом, с точки зрения тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся государству в момент выдачи (смотри *Круз Варас и другие против Швеции*, 20 марта 1991 года, §§ 75-76, Серия А №201, и *Вилварайах и другие против Великобритании*, 30 октября 1991 года, § 107, Серия А № 215). Однако если заявитель не был выдан или выслан на момент рассмотрения дела Судом, соответствующим временем будет время судебного разбирательства в Суде (смотри *Чахал против Великобритании*, 15 ноября 1996 года, §§ 85-86, Доклады 1996-V).

99. Чтобы определить, имеет ли место риск жестокого обращения, Суд обязан рассмотреть прогнозируемые последствия выдачи заявителя получающей стране, учитывая общую

ситуацию в такой стране и его личные обстоятельства (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 108 *в конце*). Для заявителя является принципиальным предоставление доказательств, способных подтвердить, что имеются достаточные основания полагать, что при принятии мер, в отношении которых подана жалоба, он понесет риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 (смотри *Н. против Финляндии*, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). Если такое доказательство предоставлено, Власти имеют право рассеять имеющиеся в отношении него сомнения (смотри *Рябкин против России*, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 года).

100. Что касается общей ситуации в определенной стране, Суд считает, что он может придать определенную важность информации, содержащейся в последних докладах международных объединений по защите прав человека, таких как организация «Международная амнистия», или государственных источников, включая Государственный департамент США (смотри, например, *Чахал*, приведено выше, §§ 99-100, *Муслим против Турции*, №53566/99, § 67, 26 апреля 2005 года, *Саид против Нидерландов*, № 2345/02, § 54, 5 июля 2005 года, и *Аль-Моайад против Германии* (решение), № 35865/03, §§ 65-66, 20 февраля 2007 года). В то же время простая возможность жестокого обращения вследствие неустойчивой обстановки в принимающей стране сама по себе не может быть причиной нарушения Статьи 3 (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 111, и *Фатган Катани и другие против Германии* (решение), №67679/01, 31 май 2001 года). Если источники, доступные Суду, содержат описание общей ситуации, конкретные утверждения заявителя в конкретном деле требуют подкрепления другими доказательствами (смотри *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [GC], № 46827/99 и 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

(b) Применение вышеприведенных принципов к настоящему делу

101. В соответствии со своим прецедентным правом, приводимом выше, необходимо проверить, приведут ли прогнозируемые последствия выдачи заявителя в Таджикистан в действие Статью 3 Конвенции. Так как он еще не был выдан вследствие предписания Суда о принятии предварительных мер в соответствии с Правилем 39 Судебного регламента, физической датой оценки такого риска является дата рассмотрения дела Судом.

102. По утверждению заявителя, его опасения о возможном жестоком обращении в Таджикистане обоснованы двумя факторами. Во-первых, ссылаясь на ряд докладов, заявитель утверждает, что общее положение в области прав человека в принимающей стране является плачевным. Во-вторых, он заявляет, что он лично понесет более высокий риск жестокого обращения, чем какое-либо другое лицо, заключенное под стражу в Таджикистане, так как уголовное судопроизводство, возбужденное против него, имеет политический характер и так как он является узбеком по национальности.

103. Соответственно, Суд в первую очередь рассматривает вопрос, может ли общая политическая обстановка в Таджикистане служить основанием полагать, что заявитель подвергнется жестокому обращению в принимающей стране. Суд отмечает в этом

отношении, что по заявлениям Властей, Таджикистан уважает основные права человека. Однако Суд напоминает, что в делах, касающихся иностранцев, сталкивающихся с высылкой или выдачей, он имеет право сравнить материалы, предоставленные Властями, с материалами, полученными из надежных и объективных источников (смотри *Салах Шейх против Нидерландов*, № 1948/04, § 136, ECHR 2007-I и *Саади против Италии* [GC], № 37201/06, § 131, ECHR 2008-...).

104. Суд в этом отношении отмечает, что доказательства, полученные из ряда объективных источников, недвусмысленно, подтверждают, что общая ситуация в области прав человека в Таджикистане вызывает серьезную озабоченность. Например, Комитет против пыток указал, что таджикское законодательство в отношении запрета пыток не полностью соответствует тексту Конвенции против пыток, что само по себе вызывает подозрения о степени защиты, предоставляемой тем, кто заявляет о жестоком обращении. Комитет также подчеркнул, что часто факт заключения под стражу нигде не фиксируется, и лица, заключенные под стражу, лишены права на адвоката и медицинское обслуживание, и часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (смотри параграф 85 выше). Организация «Страж прав человека» отметила, что освобождение государственных служащих от наказания за применение жестоких пыток является обычным явлением (смотри параграф 87 выше). Государственный департамент США также сообщил о частом применении пыток сотрудниками безопасности и отметил, что государственные органы отказывали независимым наблюдателям в беспрепятственном доступе в места содержания под стражей, включая сотрудников Международного комитета Красного креста (смотри параграф 88 выше).

105. Аргументы властей не убедили Суд в том, что простой факт ратификации Таджикистаном основных инструментов по правам человека исключает возможность несения заявителем риска подвергнуться жестокому обращению в запрашивающей стране. Существования внутригосударственного права и присоединения к международным договорам, гарантирующим уважение фундаментальных прав в принципе, самих по себе недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от риска подвергнуться жестокому обращению, когда, как и в настоящем деле, надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегали или которые позволяли органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, § 147 в конце). В связи с тем, что Власти не смогли убедительно доказать, что ситуация в области прав человека в Таджикистане значительно улучшилась по сравнению с той ситуацией, которая была описана в вышеупомянутых докладах уважаемых организаций, Суд готов признать, что жестокое обращение с лицами, заключенными под стражу, является насущной проблемой Таджикистана.

106. Тем не менее, Суд отмечает, что вышеприведенные выводы свидетельствуют об общей ситуации в стране назначения и должны быть подтверждены конкретными заявлениями и требуют наличия других доказательств (смотри *Маматкулов и Аскарлов*, приведено выше, § 73). В том же контексте Суд обязан проверить, оценили ли органы власти риски подвергнуться жестокому обращению до принятия решения о выдаче (смотри *Рябкин*, приведено выше, § 117).

107. Заявитель утверждал, что риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане усугублялся его узбекским происхождением. В связи с этим Суд отмечает, что в докладах присутствуют данные о случаях дискриминации в отношении узбеков в Таджикистане (смотри параграф 86 выше). Более того, заявитель обратил внимание российских органов власти на тот факт, что обвинения, предъявляемые ему, были связаны с событиями, произошедшими вследствие гражданской войны. В связи с этим Суд отмечает, что, по данным Государственного департамента США, несколько сотен политических заключенных, включая бывших оппонентов правящей партии, которые сражались в гражданской войне, до сих пор содержатся под стражей в Таджикистане (смотри параграф 88 выше).

108. Суд также отмечает, что УВКБ ООН в России, изучив дело заявителя, пришло к заключению, что пункты обвинения в бандитизме представляли собой замаскированное преследование «вследствие политических убеждений, приписываемых заявителю, так как [таджикские органы власти] обвиняли заявителя в причастности к антигосударственной деятельности, потому что он являлся членом групп ополчения, подозреваемых в участии в вооруженном конфликте августа 1997 года» (смотри параграф 46 выше). При таких обстоятельствах Суд считает, что личное положение заявителя, скорее всего, повысит риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане (смотри, с внесенными изменениями, Чахал, приведено выше, § 106).

109. Ссылка Властей на тот факт, что заявитель не подал ходатайство о предоставлении убежища незамедлительно после прибытия в Россию, не может опровергнуть его утверждения о рисках жестокого обращения, так как защита, предусмотренная Статьей 3 Конвенции в любом случае шире, чем защита, предусмотренная Статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (смотри, с внесенными изменениями, Саади, приведено выше, § 138). Более того, следует обратить внимание на то, что УВКБ ООН в России признало, что, по его мнению, заявитель попадал под определение «беженца» в смысле Конвенции 1951 года (смотри параграф 46 выше).

110. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что было представлено достаточное число доказательств, чтобы полагать, что заявитель понесет фактический риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции, в случае его выдачи Таджикистану.

111. Суд отмечает, что Власти ссылались на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана, что заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в стране (смотри параграфы 34 и 36 выше). Однако Суд отмечает, что в письмах Генеральной прокуратуры Таджикистана, на которые Власти ссылались, как на дипломатические гарантии, не содержалось никакой ссылки на защиту заявителя от обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции. Простое заявление о том, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию против пыток нельзя считать гарантией защиты от риска подвергнуться пыткам, с которыми заявитель может столкнуться в Таджикистане. В любом случае дипломатических гарантий самих по себе недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, если надежные источники сообщают

о случаях действий, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегали или которые позволяли органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, §§ 147-48).

112. В конце Суд рассмотрел утверждение заявителя о том, что российские органы власти не проводили серьезного расследования в отношении возможности жестокого обращения в запрашивающей стране. Власти не оспаривали тот факт, что заявитель обратил внимание местных органов власти на то, что он подвергался преследованию в Таджикистане по этническим и политическим основаниям. Более того, Верховный суд отменил решение от 1 апреля 2009 года по той причине, что Московский городской суд не проанализировал аргумент защиты касательно политического преследования (смотри параграф 35 выше).

113. Тем не менее, при пересмотре жалоб по решению о выдаче, Городской суд лишь установил, что доклад г-жи Рябининой был необоснованным (смотри параграф 37 выше). Верховный суд, в свою очередь, ограничил свой анализ риска заявителя подвергнуться жестокому обращению лишь ссылкой на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана (смотри параграф 38 выше). Суд был поражен тем фактом, что и Городской и Верховный суд заявили, что письма Генеральной прокуратуры от 10 апреля и 26 мая 2009 года предоставляли гарантии того, что заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в Таджикистане, в то время как из этих документов ясно видно, что таких гарантий не предоставлялось. Таким образом, Суд пришел к заключению, что внутригосударственные суды не рассмотрели внимательно документы, представленные по делу о выдаче заявителя. Также следует отметить, что внутригосударственные суды не пытались рассмотреть тот факт, что обвинения, предъявленные заявителю, были связаны с событиями, произошедшими в контексте последствий гражданской войны, и что таджикские органы власти могли их выдвинуть с целью нанести ответный удар бывшим политическим оппонентам.

114. При таких обстоятельствах Суд не может прийти к заключению, что российские органы власти надлежащим образом рассмотрели опасения заявителя в отношении Статьи 3 во внутригосударственном судебном разбирательстве по вопросу экстрадиции.

115. Таким образом, Суд пришел к заключению, что исполнение решения о выдаче заявителя повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

116. Заявитель подал жалобу согласно Статье 5 § 1 (f) Конвенции о том, что его непрерывное содержание под стражей до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции было «неправомерным». Он также подал жалобу согласно Статье 5 § 4 Конвенции о том, что у него не было возможности оспорить в российских судах правомерность его заключения под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции.

117. Статья 5 Конвенции, насколько она имеет отношение к делу, гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Заявления сторон

1. Власти

118. Власти оспорили аргументы заявителя. Они утверждали, что заключение заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции осуществлялось по решению от 18 июня 2008 года, и что рассматриваемое решение было принято после судебного слушания, на котором присутствовал заявитель и его адвокат. Заявителю сообщили о средствах обжалования решения о заключении его под стражу. Одним словом, заключение заявителя под стражу было «правомерным» по определению Статьи 5 § 1 Конвенции.

119. Далее Власти ссылались на решение российского Конституционного суда от 1 марта 2007 года (смотри параграфы 76 и 77 выше), в котором было установлено, что заключение заявителя под стражу регулировалось Статьей 466 § 1 УПК совместно с Главой 13 УПК, и что данные правовые положения были в достаточной степени ясны.

120. Продолжительность заключения заявителя под стражу объяснялась сложностью проверки, предпринятой Генеральной прокуратурой России в отношении национальности заявителя. Заключение под стражу после 3 декабря 2008 года, когда заявителю был вручен приказ о выдаче, обосновывалось тем, что заявитель подал апелляционную жалобу по такому приказу, а также применением Правила 39 Судебного регламента.

121. У заявителя была возможность подать жалобу в отношении заявленной неправомерности его заключения под стражу, воспользовавшись процедурой, упоминаемой в решении российского Конституционного суда от 1 марта 2007 года, а именно, в соответствии со Статьями 97 – 101 и 108 – 110 УПК и Главой 54 УПК. Заявитель неоднократно утверждал, что его заключение под стражу было неправомерным, в частности, перед Бабушкинским, Тверским и Замоскворецким районными судами города Москвы и начальнику СИЗО.

122. Власти пришли к заключению, что права заявителя по Статье 5 Конвенции нарушены не были.

2. Заявитель

123. Заявитель утверждал, что срок его заключения под стражу превысил максимальный срок, разрешенный Статьей 109 УПК, и что он никогда не продлевался в нарушение внутригосударственного права, так как решение от 18 июня 2008 года нельзя рассматривать как решение о продлении срока заключения под стражу. Заявитель также утверждал, что срок его заключения под стражу был непредвиденным, что нарушало требование о качестве законодательства, так как российские прокуроры не обращались в суд для продления срока его заключения под стражу, и внутригосударственные суды пришли к заключению, что прокуроры не должны были этого делать при отсутствии уголовного судопроизводства против него в России. Далее он заявлял что, после применения Правила 39 Судебного регламента решения по вопросу о его экстрадиции принято не было и, соответственно, его заключение под стражу перестало быть законным по Статье 5 § 1 (f) Конвенции.

124. Заявитель также не отказался от своей жалобы по Статье 5 § 4 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

125. Суд отмечает, что исковые заявления по Статье 5 §§ 1 и 4 Конвенции не являются недостаточно обоснованными по определению Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд считает, что нет других оснований считать их неприемлемыми. Таким образом, Суд объявил исковые заявления приемлемыми.

2. Существо

(а) Статья 5 § 1 Конвенции

126. Суд изначально напоминает, что Статья 5 охраняет фундаментальное право человека, а именно право лица на защиту от незаконного вмешательства Государства в его или ее право на свободу (смотри *Аксой против Турции*, 18 декабря 1996 года, § 76, *Доклады* 1996-VI). Из текста Статьи 5 ясно, что гарантии, которые она содержит, применимы к «каждому» (смотри *А. и другие против Великобритании* [GC], № 3455/05, § 162, ECHR 2009-...). Подпараграфы (а) - (f) Статьи 5 § 1 содержат исчерпывающий список разрешенных оснований, по которым лицо может быть лишено свободы. Никакое лишение свободы не может быть законным, если оно не объясняется одним из этих оснований (там же, § 163).

127. Стороны сходятся во мнении, что заявитель был заключен под стражу как лицо, «против которого было возбуждено судебное разбирательство с целью ... выдачи», и что

его заключение под стражу попадало под действие Статьи 5 § 1 (f). Однако стороны расходятся во мнении о том, было ли заключение под стражу «правомерным» в смысле Статьи 5 § 1 Конвенции.

128. Что касается того, является ли «правомерность» заключения под стражу предметом спора, включая вопрос, «соблюден ли был порядок, предусмотренный законом», Конвенция, главным образом, ссылается на внутригосударственное право и налагает обязательство соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы. Однако соблюдения внутригосударственного права недостаточно: Статья 5 § 1, кроме этого, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели защитить лицо от произвола (смотри *Эркало против Нидерландов*, 2 сентября 1998 года, § 52, *Доклады 1998-VI*, и *Стил и другие против Великобритании*, 23 сентября 1998 года, § 54, *Доклады 1998-VII*).

129. Хотя внутригосударственные органы власти, особенно суды, в первую очередь, обязаны интерпретировать и применять внутригосударственное право, согласно Статье 5 § 1, несоблюдение внутригосударственного права влечет за собой нарушение Конвенции, и Суд может и обязан, таким образом, пересмотреть, было ли соблюдено такое право (смотри *Бенхам против Великобритании*, 10 июня 1996 года, § 41, *Доклады 1996-III*, *Йекиус против Литвы*, №34578/97, § 68, ECHR 2000-IX, и *Ладент против Польши*, №11036/03, § 47, ECHR 2008-...).

130. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что требование о выдаче заявителя сопровождалось ордером на арест, выданным таджикским прокурором, а не решением таджикского суда. Первоначальное заключение заявителя под стражу было совершено по решению российского суда от 19 апреля 2008 года в соответствии со Статьями 97, 99 и 108 и Статьей 466 § 1 УПК (смотри параграф 49 выше).

131. Однако возникает вопрос, достаточно ли судебного разрешения на заключение заявителя под стражу, выданного Таганским районным судом, для содержания заявителя под стражей неопределенный период времени, независимо от того, насколько он окажется длинным, пока не будет принято решение по требованию о его выдаче, или должно ли было заключение под стражу периодически пересматриваться судом (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 73, 11 октября 2007 года).

132. По заявлению Властей срок заключения заявителя под стражу регулировался Статьей 109 УПК, которая разрешает в случаях, связанных с тяжкими преступлениями, задерживать под стражу на срок до двенадцати месяцев. В то же время Суд отмечает, что для того, чтобы заключение под стражу можно было считать «правомерным» по определению Статьи 109 § 2 УПК, заключение под стражу, превышающее два месяца, требует дополнительного судебного разрешения (смотри параграф 67 выше).

133. По словам Властей, заключение заявителя под стражу было разрешено Таганским районным судом, согласно Статье 108 УПК, 19 апреля 2008 года, а затем снова 18 июня 2008 года (смотри параграфы 49 и 50 выше). Суд озабочен тем фактом, что один и тот же

районный суд избрал одну и ту же меру пресечения в отношении заявителя второй раз через один месяц и двадцать девять дней после своего первого решения, хотя заявитель в течение этого периода содержался под стражей. Тем не менее. Суд готов допустить ради аргумента, что 18 июня 2008 года Таганский районный суд ошибочно сослался на Статью 108 УПК, регулирующую первоначальное заключение под стражу, а не продление срока заключения под стражу, и фактически продлил срок заключения заявителя под стражу до истечения двух месяцев, как того требует Статья 109 § 2 УПК.

134. Если это так, Суд указывает, что никакого решения о продлении срока заключения заявителя под стражу не принималось до 14 мая 2009 года, когда Верховный суд вынес решение оставить заявителя под стражей до 4 июня 2009 года (смотри параграф 57 выше). Из этого следует, что внутригосударственным судам потребовалось десять месяцев и двадцать пять дней, чтобы пересмотреть вопрос о заключении заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции.

135. При таких обстоятельствах Суд обязан прийти к заключению, что после 17 октября 2008 года, а именно, через шесть месяцев после его заключения под стражу, заявитель содержался под стражей в нарушение положений Статьи 109 § 2 УПК. Таким образом, Суд пришел к выводу, что заключение заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции не может считаться «правомерным» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции. При таких обстоятельствах Суд не видит необходимости в отдельном рассмотрении дополнительных аргументов заявителя, касающихся качества внутригосударственного права и продолжительности его заключения под стражу.

136. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции.

(b) Статья 5 § 4 Конвенции

137. Суд напоминает, что цель Статьи 5 § 4 – обеспечить задержанных и заключенных под стражу лиц правом на судебный надзор за правомерностью мер, применяемых в отношении них (смотри, с внесенными изменениями, *Де Вилде, Оомс и Версип против Бельгии*, 18 июня 1971 года, § 76, Серия А № 12). Средство правовой защиты должно быть предоставлено во время заключения лица под стражу, что позволит лицу добиться безотлагательного пересмотра правомерности задержания судом. Такой пересмотр может, если это целесообразно, привести в результате к освобождению из-под стражи. Наличие средства правовой защиты, предусмотренного Статьей 5 § 4, должно быть бесспорным. Его отсутствие ведет к недостатку доступности и эффективности, необходимых для целей данного положения (смотри *Талат Тене против Турции*, № 31247/96, § 72, 21 декабря 2004 года).

138. Суд отмечает, что стороны сходятся во мнении, что заявитель провел более двух лет в заключении под стражей до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции. Суд считает, что в течение этого периода времени могли возникнуть новые вопросы, влияющие на правомерность заключения под стражу, и соответственно в силу Статьи 5 § 4 он имел право обратиться в «суд», имеющий юрисдикцию для

«безотлагательного» рассмотрения, является ли его лишение свободы «неправомерным» в свете новых факторов, возникших после принятия решения о его первоначальном заключении под стражу (смотри *Исмойлов и другие против России*, № 2947/06, § 146, ECHR 2008-...).

139. Суд подчеркивает, что он уже не один раз приходил к заключению, что положения Статей 108 и 109 УПК не позволяли задержанным с целью выдачи возбудить дело для рассмотрения правомерности заключения под стражу при отсутствии требования прокурора о продлении срока применения меры заключения под стражу (смотри *Насруллоев*, приведено выше, § 88, *Исмойлов и другие*, приведено выше, § 151, и *Муминов против России*, №42502/06, § 114, 11 декабря 2008 года). Более того, в настоящем деле попытка адвоката заявителя подать жалобу о том, что прокурор не подавал требования о продлении, оказалась безрезультатной, так как Замоскворецкий районный суд два раза прямо устанавливал, что Статья 125 УПК не применялась в деле заявителя (смотри параграфы 56 и 60 выше).

140. При таких обстоятельствах Суд не удовлетворен тем, что положения внутригосударственного права обеспечивали право заявителя начать судебное дело для рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу.

141. Из этого следует, что в течение срока заключения заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции он не имел доступа к какой-либо процедуре для судебного пересмотра его правомерности.

142. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 2 КОНВЕНЦИИ

143. Заявитель подал жалобу о том, что формулировка приказа о выдаче нарушала его право на презумпцию невиновности, в нарушение Статьи 6 § 2 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком».

A. Заявления сторон

144. Власти утверждали, что в приказе о выдаче указывалась лишь классификация преступления, в совершении которого заявитель обвинялся в соответствии с российским законодательством, и не содержалось заключения о признании его виновности.

145. Заявитель утверждал, что Генеральная прокуратура России в своем приказе от 20 ноября 2008 года заявила, что он был виновен, в нарушение принципа презумпции невиновности. Заявитель предположил, что такое утверждение могло иметь влияние на

суды Таджикистана. Следовательно, его право на презумпцию невиновности было нарушено.

В. Оценка Суда

146. Суд напоминает, что цель Статьи 6 § 2 – предотвратить сведение на нет справедливого уголовного судопроизводства за счет причиняющих вред утверждений, сделанных в связи с таким судопроизводством. Если такое судопроизводство не возбуждено или не возбуждалось, утверждения, касающиеся преступного или другого предосудительного поведения, имеют значение для соображений защиты от клеветы и надлежащего доступа к суду для определения гражданских прав и поднятия возможных вопросов в соответствии со Статьей 8 и 6 Конвенции (смотри *Золльманн против Великобритании* (решение), №62902/00, 20 ноября 2003 года).

147. Презумпция невиновности, охраняемая параграфом 2 Статьи 6, является одним из элементов справедливого уголовного судопроизводства, которое требуется параграфом 1 (смотри *Алленет де Рибемонт против Франции*, 10 февраля 1995 года, § 35, Серия А № 308). Он запрещает преждевременное высказывание самим судом мнения о том, что лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», является виновным, прежде чем это будет доказано в соответствии с законодательством (смотри *Минелли против Швейцарии*, 25 марта 1983 года, § 37, Серия А № 62), а также охватывает заявления, сделанные прочими государственными должностными лицами о незаконченных уголовных расследованиях, которые заставляют общество поверить в то, что подозреваемый виновен, и предрешают оценку фактов компетентными судебными органами (смотри *Алленет де Рибемонт*, приведено выше, § 41, и *Буткевичиус против Литвы*, № 48297/99, § 49, ECHR 2002-II).

148. Суд уже приходил к заключению, что Статья 6 § 2 Конвенции применяется, когда судебное разбирательство по вопросу экстрадиции является прямым и сопутствующим последствием незаконченного уголовного расследования против лица в принимающем Государстве (смотри *Исмойлов и другие*, приведено выше, § 164), и не видит оснований отступать от этого подхода в настоящем деле.

149. Далее Суд напоминает, что презумпция невиновности будет нарушена, если судебное решение или утверждение государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение о том, что оно виновно, прежде чем, его виновность будет доказана в соответствии с законодательством (смотри *Гарики против Польши*, № 14348/02, § 66, 6 февраля 2007 года). Фундаментальное различие должно быть сделано между утверждением, что лицо лишь подозревается в совершении преступления, и прямым заявлением, при отсутствии окончательного приговора, что лицо совершило рассматриваемое преступление. Суд систематически подчеркивал важность выбора слов государственными должностными лицами в их утверждениях, прежде чем лицо будет привлечено к судебной ответственности и признано виновным в совершении конкретного уголовного преступления (смотри *Бёмер против Германии*, №37568/97, §§ 54 и 56, 3 октября 2002

года, и *Нестак против Словакии*, № 65559/01, §§ 88 и 89, 27 февраля 2007 года). Нарушает ли утверждение государственного должностного лица принцип презумпции невиновности, следует определять в контексте конкретных обстоятельств, в которых опровергнутое заявление было сделано (смотри *Дактарас против Литвы*, № 42095/98, § 43, ECHR 2000-X, и *А.Л. против Германии*, № 72758/01, § 31, 28 апреля 2005 года).

150. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в приказе о выдаче от 20 ноября 2008 года утверждалось, что «действия [г-на] М. Хайдарова заслуживали наказания в соответствии с российским уголовным законодательством и соответствовали Статье 209 § 2 Уголовного кодекса России» (смотри параграф 21 выше). С точки зрения Суда, рассматриваемое предложение, прежде всего, ссылалось на классификацию действий, в совершении которых заявитель обвинялся в Таджикистане в соответствии с российским законодательством. Хотя формулировка, используемая Генеральной прокуратурой России, была довольно неудачной, так как не было четкого указания на тот факт, что заявитель только подозревался в совершении «действий, заслуживающих наказания в соответствии с российским уголовным законодательством», Суд считает, что Генеральная прокуратура России ссылаясь не на вопрос установления виновности заявителя – что явно не должен был решать прокурор, выдающий приказ о выдаче – а на вопрос правовых оснований для выдачи заявителя (смотри, с внесенными изменениями, *Дактарас*, приведено выше, § 44).

151. При таких обстоятельствах Суд не может прийти к заключению, что формулировка приказа о выдаче была приравнена к заявлению о виновности заявителя в нарушение принципа презумпции невиновности (смотри, для сравнения, *Исмойлов и другие*, приведено выше, § 168).

152. Из этого следует, что данная часть заявления подлежит отклонению, как недостаточно обоснованная согласно Статье 35 §§ 3 and 4 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

153. Заявитель утверждал, что ему не было предоставлено никаких эффективных средств правовой защиты в отношении его жалоб по Статье 3 Конвенции в нарушение Статьи 13 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

154. Власти оспорили утверждения заявителя и заявили, что у него были эффективные средства правовой защиты по отношению к его жалобам.

155. Жалоба заявителя осталась в силе.

156. Суд отмечает, что жалоба поданная заявителем по этой Статье, уже рассматривалась в контексте Статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на вышеприведенные умозаключения (смотри параграф 114 выше), Суд считает, что если жалоба по Статье 13, рассматриваемая в контексте Статьи 3, является приемлемой, нет необходимости отдельно рассматривать данную жалобу по существу (смотри, *с внесенными изменениями, Шайпова и другие против России*, №10796/04, § 124, 6 ноября 2008 года, и *Макарациз против Греции* [GC], № 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI).

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

157. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

158. Заявитель потребовал выплаты 15000 Евро в качестве возмещения морального ущерба, понесенного в связи с его неправомерным заключением под стражу и тем фактом, что он рисковал подвергнуться жестокому обращению в случае его выдачи.

159. Власти утверждали, что заявленная сумма была необоснованной и заявили, что установления факта нарушения Конвенции самого по себе достаточно для справедливой компенсации.

160. Суд отмечает, что в настоящем деле установлен ряд нарушений и признает, что заявителю был нанесен моральный ущерб, который не может быть возмещен лишь установлением факта нарушений. Таким образом, Суд считает уместным присудить ему в качестве компенсации 15000 евро.

B. Издержки и расходы

161. Заявитель потребовал выплаты 55000 российский рублей (эквивалентных 1240 Евро) за представление его интересов г-жой Магомедовой на национальном уровне. Он предоставил два счета, подтверждающих оплату указанной суммы. Далее заявитель потребовал, ссылаясь на табель учета рабочего времени его адвокатов, выплаты 3800 Евро за представление его интересов г-жой Магомедовой перед Судом, а также 1600 Евро за представление его интересов г-жой Рябининой. В табелях учета рабочего времени не были указаны почасовые ставки адвокатов. Далее заявитель потребовал возмещения почтовых и административных расходов в размере 7% от судебных издержек, что составляло 464 Евро.

162. Власти заявили, что заявитель обосновал свои требования в сумме 55000 рублей, предъявив надлежащие доказательства, но не предоставил надлежащего подтверждения, что он фактически понес остальные суммы расходов.

163. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только, если он докажет, что они были фактически понесены в силу необходимости и являются обоснованными в части их размеров. В настоящем деле, учитывая находящиеся в распоряжении суда документы и вышеупомянутые критерии, суд отклоняет требование выплаты издержек и расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством в Страсбурге, как неподтвержденное доказательствами, и считает уместным присудить заявителю сумму в размере 1240 Евро, понесенную в связи с внутригосударственными судебными разбирательствами.

С. Пени

164. Суд считает уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального банка, плюс 3%.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобы по Статьям 3, 5 и 13 приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;

2. *Постановил*, что приведение в действие приказа о выдаче заявителя Таджикистану повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции;

3. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;

4. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;

5. *Постановил*, что отдельных вопросов по Статье 13 Конвенции в отношении заявленного нарушения Статьи 3 Конвенции не возникает;

6. *Постановил*

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, плюс сумму любых взимаемых налогов, подлежащие переводу в Российские рубли по курсу, действующему на дату платежа:

(i) 15000 Евро (пятнадцать тысяч Евро) за моральный ущерб; и

(ii) 1240 Евро (одна тысяч двести сорок евро) за издержки и расходы;

(b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до платежа выплачивается простой процент от вышеупомянутой суммы в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка в течение срока неуплаты, плюс 3%.

7. *Отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о судебном решении направлено в письменной форме 20 мая 2010 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Судебного регламента.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Председатель